

УДК 391.2(=512.111)
ББК Т521(=635.1)-426

В.Г. РОДИОНОВ

ЗАГАДКА ВОКРУГ ТРЕУГОЛЬНОЙ ПЛАСТИНЫ ЖЕНСКОГО НАГРУДНОГО УКРАШЕНИЯ ЧУВАШЕЙ

Ключевые слова: мифология, названия украшений, этимология, чувашский костюм, родовое дерево, руническая письменность.

Треугольная пластина в чувашских традициях не связана с девичьим нагрудным украшением и его названием, она является главной деталью женского украшения как разновидности древнего нагрудника. Это украшение дарилось невестке во время свадьбы в доме жениха. Название чувашского девичьего нагрудного украшения *шёлкеме/шўлкеме* следует связать с его охранительной функцией. Название наконника из особых монет (латунных блях) прикрепились сначала к подобным же монетам на украшениях *сурпан сакки*, а потом – к его треугольной пластине. Последняя имела функцию мифосемантического определителя мужского начала и рода. Автором выдвинуто предположение о прототипах рода жениха путем расшифровки родового дерева на треугольной пластине из Мартыновского могильника (XVII в.). Основателем рода мужа умершей женщины был сборщик дани для казанского хана Уразмедь, известный из чувашских исторических преданий. Его имя, возможно, зафиксировано на треугольной пластине знаками древней рунической письменности чувашей.

После ознакомления с уникальной книгой коллектива авторов «Чувашский костюм от древности до современности» [15] у наблюдательного и любознательного читателя возникает ряд вопросов, относящихся к разным специалистам в области истории духовной культуры народов Урало-Поволжья. Как известно, в народном костюме запечатлена не только история искусств, в нем отражены мифология, этническая история и прочие объекты исследований гуманитарных наук. Поэтому он привлекает к себе не только специалистов по его истории и современности, но и, например, филологов-лингвистов и мифологов, историков, занимающихся этнической историей. Будучи весьма заинтересованным проблемами чувашской мифологии (читателя отсылаем к некоторым нашим работам: [16–20]), в вышеназванной книге нас заинтересовала треугольная пластина на женском нагрудном украшении *шўлкеме* (у верховых чувашей) и *сурпан сакки* (у всех остальных чувашей, проживающих к востоку и югу от так называемых *вирьял*) [19. С. 173–185]. Чем же он привлек наше внимание и вызвал такой повышенный научный интерес? Прежде всего тем, что, во-первых, данная треугольная основа женских нагрудных украшений, имеющих некоторые территориальные различия, встречается почти повсеместно [на основе иллюстраций костюмов низовых чувашей Чувашской Республики (ЧР) можно сделать вывод, что там отсутствовал как *сурпан сакки*, так и его основание в форме треугольной пластины] [15. С. 132–155]. Во-вторых, в книге представлены археологические материалы отдельных периодов истории этой треугольной пластины (рис. 18 – X–XII вв.; рис. 351 – XVI–XVII вв.; рис. 14 – XVII в.; рис. 13, б – без даты) [15. С. 32, 341, 28, 27]). В-третьих, и она стала самой главной причиной, благодаря которой мы взяли за оформление статьи не по заявленной в последней нашей публикации [18] теме, а по проблеме настоящей статьи (они, как выяснится далее, теснейшим образом взаимосвязаны). Дело в том, что

треугольная пластина из Мартыновского могильника (XVII в.) содержит знаки рунического письма, а также на ней изображено мифологическое дерево, растущее сверху вниз. Данный памятник искусства и письменности впервые изучен А.А. Трофимовым [23], но с тех пор прошло более четверти века и он требует нового осмысления, современного взгляда на проблему.

Треугольная металлическая пластина выявлена и в основе сюльгама мордвы-мокши [3. С. 113–115]. В этнографической науке термин «сюльгам» известен как название фибулы-застежки, заимствованный исследователями из мордовского языка: мокш. *сюлгам*, эрз. *сюлгамо* «нагрудная пряжка-фибула, застегивающая ворот женской рубашки» [13. С. 42]. Не углубляясь в детали двух типов туникообразных рубашек народов Поволжья, мы вслед за Н. Гаген-Торн констатируем, что в регионе все тюркские и финно-угорские этносы, за исключением мордвы, к XX в. носили одинаковый тип женской одежды. Подобные рубашки имели нагрудник, закрывающий ее нагрудную щель (подобную традицию привнесли в Поволжье скотоводческие племена), а ворот мордовской (исконно местной финно-угорской) рубашки застегивался пряжкой-фибулой [6. С. 74, 76]. Из данного утверждения следует, что разные формы застежек в регионе исторически функционировали прежде всего в финно-угорском мире. Археологи обнаружили эполетообразные фибулы еще у пьяноборцев, а пряжки-сюльгамы в форме несомкнутого кольца с утолщенной спинкой находили у именьковцев V–VII вв. [26. С. 39, 45]. Отдельные детали подобных сюльгам имеются, как известно, на марийских (*ширкама*, *почкама*) и чувашских (*шўлкемё/шёлкемё*, *сурпан сакки*, *сестёнкё*) нагрудных украшениях. При этом у горных марийцев и у верховых, частично и у средненизовых чувашей они имеют прямоугольную форму, тогда как у луговых и основных средненизовых, а также в чувашских деревнях Татарстана и Башкортостана, Ульяновской, Пензенской, Самарской, Саратовской и Оренбургской областей – трапециевидную (треугольную) [10; 15. С. 47, 76, 77, 88, 94, 95, 98, 108, 111, 113, 116, 117, 119, 122, 123, 131, 170, 172, 176–178, 180–184, 192, 204–207, 209, 236, 247, 258, 261, 265, 268, 269, 275, 276, 279, 280, 359]. В середине верхней части нагрудных украшений обоих типов находится треугольная пластина (медная или латунная) с кольцом, наподобие символа горы и восходящего солнца над ней (треугольник с острым концом вверх, на котором расположено круглое кольцо). Подобная пластина в старину была широко распространена, как уже отметили, в сюльгаме мордвы-мокши, которая по форме напоминала трапецию, а в центре располагался медный треугольник вместе с кольцом и булавкой сверху [12. С. 138]. Данная форма сюльгамы у мокши начала складываться, как утверждают археологи, в XIV в. Она имела с нижней стороны кольца две треугольные лопасти, как две части равнобедренного треугольника. Эти две лопасти в XVII в. срослись и превратились в медное основание треугольной формы. Позднее на медный треугольник начинают навешивать подвески из монет, бус и раковин [3. С. 115]. (Кстати, болгаро-чувашский археологический материал по эволюции сюльгама несколько опережает эволюцию мокшанского *сюлгам*. Например, застежка-сюльгам с двумя треугольными лопастями из Тигашевского городища датируется X–XII вв. [15. С. 32, 360]. Скорее всего, мокшанский вариант сюльгама сложился в результате тесного взаимодействия с булгарами).

До настоящего времени проблема происхождения сходств как в названии данного предмета (нагрудного украшения), так и в самой ее форме не стали объектом специального научного изучения, но начало этому положила, на наш взгляд, этнограф Н.И. Гаген-Торн в своей книге «Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу)» [6]. Она рассматривает историю женской одежды народов Поволжья прежде всего в аспекте развития производственной технологии одежды, оставляя для будущих исследователей мифологическую интерпретацию ее частей и деталей, в том числе и нагрудных украшений. На сегодняшний день существует разноречивая в объяснении этимологии названий *шўлкеме*, *ҫестенкё* и других терминов данного круга. С учетом вышесказанного, мы определили основную цель данной статьи: поиск этимологий названий *шўлкеме/шёлкеме*, *сурпан ҫакки*, *ҫестенкё*, а также реконструкция мифологической семантики треугольной пластины на этих нагрудных украшениях.

Первое подробное описание нагрудных украшений северо-западных верховых чувашей встречается в статье С. Михайлова (Яндуша) «Чувашские свадьбы» (1852) [11. С. 45–69]. По сообщению автора, женщины данной этнографической группы на голову надевали низкий *хошпу*, едва покрывающий лоб и виски, наподобие широкой ленты; «шириною она меньше ладони, с простирающимся книзу до поясницы концом, вроде ленты такой же ширины. На голове *хошпу* украшена серебряными старинными мелкими монетами, а конец ее назад унизан нынешними монетами, от полтинника до пятачка постепенно; у бедных же в числе монет много находится медных небольших блях с изображением разных всадников на конях» [11. С. 52]. Далее идет описание перевязи *тевет* и шейного украшения *ама* (автор их названия перепутал. – В.Р.), последнее унизано старинными монетами «от четвертака до гривенника». Оно бывает только по грудь, как у татарок ворот рубахи, и шириною пальца в два [11. С. 52–53].

Название последних украшений (их два) по-русски написано как *шутьгамма* (чув. *шўлкеме*). «<...> на груди две большие *шутьгам*ы, – пишет этнограф, – из них первая, верхняя, длиною и шириною в четверть, а нижняя длиною четверти в две, шириною в четверть. Они унизаны в несколько рядов плотно, как будто чешуей, на толстой коже, серебряными старинными мелкими монетами, а по краям – нынешними монетами от пятачка до четвертака, и сверх того нижний край унизан белыми корольками, называемыми иначе змеиными головками. Эти *шутьгам*ы у чувашской молодки покрывают всю грудь» [11. С. 53].

В статье «Свадьбы горных черемис Казанской губернии» (1854) С. Михайлов (Яндуш) описывает уже подобные украшения горных марийцев под названием *шалкама*, которые по форме и названию полностью совпадают с чувашскими [11. С. 137]. Современные исследователи эти грудные застежки горных марийцев называют *шыркама* или *ширкама*, а луговых – *почкама* [9. С. 318].

Этимологию термина *шўлкеме* впервые объяснил С. Михайлов (Яндуш), который считал, что термин «происходит, вероятно, тоже от шиллинга, потому что *шутьгам*ы унизаны мелкими монетами» [11. С. 53, сноска]. Несколько модернизируя данную чувашским этнографом середины XIX в. этимологию, лингвист Н.И. Егоров считает, что слово *шўлкеме* образовано из двух лексем: рус. *шелёг* «неходячая монетка», «бляшка на монисто» (из немец. *шиллинг*)

и чув. *ама*, *алма* «подвеска» (от *ал*- «вешать») [25. С. 131]. Но *ама* и *шўлкеме*, как видно из записей многих этнографов XIX в., имеют совершенно разные формы, они висели на груди женщины одновременно. Н.И. Гаген-Торн полагает, что чувашское название *шўлкеме*, потеряв свой первоначальный смысл, перешло на украшение, примыкающее к группе нагрудников, сделанных из кожи и покрытых монетами [6. С. 97]. Другими словами: первоначально у чувашей лексема *шўлкеме* имела такую же семантику, как у мордвы-мокши: «брошка-заколка с основанием в форме медного треугольника». Постепенно эта фибула с подвесками превратилась, как полагает исследователь, в нагрудное украшение *сурпан закки* «подвеска к головному полотенцу *сурпан*». Их связующей деталью является треугольная пластина, известная в науке как *сестенкё*. В таком случае этимология, объясненная связью с шиллингом, автоматически отпадает. Но остается неясным другое: если названия *шўлкеме* и *сюлгам* произошли с одного корня, то почему на девичьем *шўлкеме* не имеется треугольной пластины, подобно на сьюлгаме мордвы-мокши?

М.Р. Федотов осторожно допускал, что финно-угорское слово *шўлкеме* могло проникнуть в чувашский язык через марийское посредство. Но Н.И. Егоров утверждает обратное: «судя по названию, марийцы заимствовали это нагрудное украшение у чувашей» [25. С. 131]. Действительно, если верить записям С. Михайлова (Яндуша), то получается, что горномарийский вариант *шыркама/ширкама* образовался только во второй половине XIX в. (переход анлаутного *л* в *р*). Загадочно происхождение термина *почкама* у луговых марийцев, где резко бросается в глаза начальный измененный слог (в сравнении с *шир* + *кама*) *поч*, что в отдельности означает «хвост», «конец (чего-либо)» [8. С. 259]. Вполне возможно, что название данного украшения и к луговым марийцам проникло через горных. В таком случае можно представить так: не зная истинного значения и ложно понимая происхождение лексемы *шыркама* (*шер* «бусы» + *кама*), они переименовали его в *поч* «хвост» + *кама* (зная происхождение и связывая этимологию слова с накосником).

Есть в татарском языке лексемы *шөлгәмә* «шнурок или прокола с нанизанными украшениями (брошками, погремучками, монетами и т. п.)» и *шалгама* «поперечина забора, слега; связывающий брус» [1. С. 483]. Данные слова Р.Г. Ахметьянов связывает с известными мар., морд., фин. (*solki*) и к. (*шалкем*) вариантами [1. С. 483].

У средненизовых и части низовых чувашей *шўлкеме* является только девичьим нагрудным украшением из разноцветных мелких бус, четырехугольной формы [2. Т. 17. С. 374]. (Данное украшение чувашские девочки начинали носить в раннем возрасте: обратите внимание на фотографию конца XIX в. [15. С. 130].) Этим термином верховые чувашаи называют и продолговатый четырехугольник с треугольной пластиной, подобно средненизовому украшению *сурпан закки*. Следует полагать, что такой перенос названия девичьего украшения на название женского нагрудника произошел по двум причинам: 1) исчезновением их первоначальных функций и семантик), 2) схожестью их форм (продолговатый четырехугольник). Отличительной чертой девичьего нагрудного украшения *шўлкеме* от женского было, кроме отсутствия на нем треугольной пластины, окаймление с нижней стороны четырехугольной кожи раковинами каури (чув. *хурт пуçси*, тат. *курт башы*).

Итак, треугольная пластина (как элемент сьюлгамы) в чувашских традициях никак не связана с девичьим нагрудным украшением и его названием

шёлкеме/шўлкеме, она является главной деталью только женского украшения *сурпан сакки* как разновидности древнего нагрудника.

Вернемся к этимологии чувашского *шёлкеме/шўлкеме* и татарского *шәлкәмә, шалгамә*. Учítывая, что все эти лексемы связаны с звенящими подвесками, их происхождение логично связать со следующей тюркской моделью словообразования: подражательное слово (по Г.Е. Корнилову – имитатив) + аффикс *-ма*. Например, в чувашском языке есть слово *шёлтёр* «звук, который получается от соприкосновения монет» + *-ме* = *шёлтёрме* «то, что звенит» (звенят девичий головной убор *тухья*, нагрудное украшение *шёлкеме*) [2. Т. 17. С. 375]. Мы считаем, что последнее слово образовано именно на основе данного имитатива. Выпадение звука *p* связано, скорее всего, с трудностью произношения рядом стоящих двух согласных (*pm*): *шёлтёрме* > *шёлтёме* > *шёлкеме*. Переходная форма сохранилась в речи русских, проживающих среди чувашей бывшего Курмышского уезда Симбирской губернии: *шельдема* [2. Т. 1. С. 162]. Татарские варианты тоже можно связать с велярным вариантом чувашского *шёлтёр*: тат. *шалтыр* «звонкий вибрирующий звук при ударе металла» + *-ма* = *шалтырма* [1. С. 603], но семантика нового слова здесь несколько иная. Звон монет отпугивал, как считали древние люди, злых духов, а основа украшения из кожи (в древности, быть может, из шкуры или меха тотемного зверя) охраняла девушку как члена рода от опасностей. [Замужние женщины находились, как узнаем ниже, под двойной защитой: предков (<тотема) своего рода и рода мужа.]

Таким образом, название чувашского девичьего нагрудного украшения *шёлкеме/шўлкеме* следует связать с его охранительной функцией: чешуйчато сложенные монеты на прямоугольной коже оберегали тело девушки на месте разреза ворота от злых духов.

Далее нам следует определить первоначальную функцию нагрудного украшения *сурпан сакки*, которое, следует полагать, потеряло свою автономность после появления традиции повязывать голову полотенцем *сурпан*. Это персидское слово, в переводе означающее «головная повязка», проникло в чувашский язык через соседей (скорее всего от кыпчакских мигрантов конца XIII – первой половины XIV в. [19. С. 263–264]) в форме *сарпан*, а в дальнейшем, в результате фонетических изменений (анлаутный *a > o > y*), обрело современный вид. Следовательно, термин имеет семантику с чисто прикладным значением еще с XIV в. Это нагрудное украшение (< нагрудник) прицепляли к головному полотенцу ниже подбородка в качестве грузила. Оно притягивало *сурпан сухалё*, т.е. висячую ниже подбородка часть *сурпан*, вниз. Таким образом, треугольная пластина с кольцом одновременно служила и застежкой (иголкой на кольце *сурпан сакки* прицепляли к *сурпан сухалё*), и основанием нагрудного украшения (привески прицеплялись только с нижней стороны треугольника). Не вызывает сомнения то, что *сурпан сакки*, являясь одним из основных атрибутов замужней женщины, имел тоже охранительную функцию. Но по какой причине женщины верховых чувашей на грудь вешали сразу два четырехугольных украшения? В поисках ответа мы обнаружили следующую запись информатора Н.И. Ашмарина в пограничной с горными марийцами чувашской деревне Малое Карачкино (1885): «Свекровь стелет перед невесткой войлок, на войлок кладет деньги или же *шёлкеме*. Молодка, слезая с телеги, крестится, и, забирая подарок свекрови, входит в дом. <...> На нее вешают два *шёлкеме*, висячую *ама*, *чепешка* и другие вещи») [14. С. 171–172].

У горных марийцев принято было бросать под ноги невесты сьюлгаму. Последняя должна была наступать на нее ногой, поднять и отдать встречающей их девушке. Та относила *шыркама* в клеть, где предстояло жить молодым [9. С. 170]. Те же самые действия описывает С. Михайлов (Яндуш): «Едва только тронется молодая с места, мать жениха тотчас бросает на землю *шалкам'у* <...>, на которую новобрачная прежде ступает ногою, а потом берет в руки» [11. С. 144]. Весьма информативно сообщение корреспондента Н.И. Ашмарина из д. Чуралькасы (Моргаушский район ЧР): «Если перед сном под голову класть *сурпан сакки*, то [у замужней женщины] родится мальчик» [2. Т. 11. С. 204]. В этом поверье отражена древняя семантика *шёлкеме* с треугольной пластиной (*сурпан сакки*): данное нагрудное украшение не только защищает, но и способствует к размножению мужского рода.

Итак, мы узнали, что верхнее *шёлкеме*, на котором имелась треугольная пластина, дарится невесте матерью жениха, т.е. данное украшение символизирует род мужа. Если учесть, что нижнее *шёлкеме* на невесте висело еще до приезда в дом будущего мужа, то нетрудно понять, что данное девичье украшение символизировало род невесты. Получается, что в дальнейшем молодую женщину будут защищать предки двух родов. Так представляли верховые чувашки, носившие свое девичье нагрудное украшение и после выхода замуж. Именно по этой причине его название перешло на украшение с треугольной пластиной, символизировавшее покровительство рода мужа.

Далее рассмотрим семантику и этимологию термина *сестенкё*, утвердившего в науке названия треугольной пластины на женском нагрудном украшении *сурпан сакки*. М.Р. Федотов полагает, что это словосочетание образовано из русского *жесть* и тюркско-монгольского *тенге* «серебряная монета» [24. С. 103]. Следует заметить, что заимствованное из русского языка «жесть» в чувашском языке имеет формы *шăвăç* и *шус*, а не *сес* [2. Т. 17. С. 244–245, 269]. Н.И. Ашмарин в своем «Словаре чувашского языка» из двух вариантов данного словосочетания первым поставил *сес-тенки*, показывая его частотность: «*Кăмакара сес-тенки выртать. (Пашалăв)*» [В печке лежит *сес тенки*. (Лепешка)]; «*Сес тенки* (вешают на грудь и пришивают к *хўре*), это желтые монеты из какого-то сплава» [2. Т. 12. С. 91]. Если бы *сес* имело значение «жесть», то второе слово сохранило бы именительный падеж: *сес тенкё* «монета из жести». *Сес тенки* дословно переводится как «монета сес». Мы полагаем, что данное загадочное *сес* образовано из лексемы *сўс* «волосы»: *сўс тенки* «накосник из монет» (сравните: тат. *чәч тәнкәсе*, баш. *сәс тәнкәһе*, каз. *шаш тенге*). По сообщению К. Сергеева, уроженца д. Отары, что расположена на самой западной границе средненизовых чувашей с вирьялами, эти желтые монеты пришивались как к коже *сурпан сакки*, как и к накоснику (*хўре*). Учитывая, что именно на этой пограничной территории (с. Орауши нынешнего Вурнарского района ЧР) сохранились наиболее ранние женские рубашки и вышивки, мы совершенно уверенно можем предположить, что название особых монет накосника (*хушпу хысё*, *хўре*, *сўс тенки*) со временем перешло на монеты *сурпан сакки*, а затем – на треугольную пластину. Именно верховые чувашки, которые украшение *сурпан сакки* называли «верхнее *шўлкеме*», термином *сес тенки* именовали латунную треугольную пластину. По направлению с пограничья верховых и средненизовых чувашей на восток *сестенкё* обретает семантику «монеты на *сурпан сакки*», а также начинает означать само нагрудное украшение [22. С. 151].

Таким образом, название накосника из особых монет (латунных блях?) прикрепились сначала к таким же монетам на сурпан *çакки*, а потом – к его треугольной пластине. В этом плане весьма интересно описание татарского накосника *чәч тәнкәсе*. По замечанию Н.И. Воробьева, бляшки для *чәч тәнкәсе* «обычно покрываются чеканным или гравированным орнаментом с растительными мотивами или надписями, причем надписи представляют обычно пожелания, молитвы или заклинания, но иногда они так сильно стилизуются, что превращаются лишь в надписеобразный орнамент» [5. С. 395]. Очевидно, именно наличие традиции внесения на бляхи накосника (в первую очередь на крупной бляхе, нашитой в верхнем его конце [5. С. 395]) различных магических надписей способствовало переносу его названия на треугольное основание чувашского нагрудного украшения. Такой перенос традиций древнечувашского письма мог осуществиться не позднее XIV в., т.е. до вытеснения из культуры волжских болгар немусульманских (языческих) традиций, в том числе и рунической письменности. Унаследовавшие эти традиции мастера (камнерезы-оформители текстов надгробий, ювелиры по металлу, вышивальщицы и т.д.) смогли продолжить их до начала Нового времени. Но официальные запреты на обработку металла нерусским народам Поволжья (в первой трети XVII в.) и массовое крещение чувашей (в 40-е гг. XVIII в. [19. С. 156–161]) отрицательно сказались на дальнейшей судьбе ряда видов народного искусства: они ушли из быта вместе с последними мастерами по художественной обработке металлов, камней и народной одежды [23].

Редчайшим доступным образцом произведения искусства чувашских мастеров по обработке металла является, как уже было отмечено, треугольная пластина, найденная археологами в Мартыновском могильнике (погребение 50), памятнике XVII в. (рисунок). Бывшее языческое кладбище семи деревень находится в одном километре от села Аттиково (*Пӓрмас*) и деревни Мартыново (*Йӓршер*) Козловского р-на ЧР. По сведениям В.К. Магницкого, здесь в начале второй половины XIX в. имелись деревянные и каменные надгробия, на одном из них была надпись арабской графикой (в 1991 г. там был найден подобный памятник, который в настоящее время хранится в ЧГИГН) [27. С. 51]. Приступим к описанию загадочной треугольной пластины. Ее пространство занимают верхнее кольцо и четыре вертикально расположенные блоки (строки). На трех нижних строках имеются знаки, подобные руническому письму, и треугольники (треугольник с острым концом вверх символизировал мужское начало, а с острым концом вниз – женское начало), а в верхнем блоке – дерево с тремя ответвлениями у основания, растущее сверху вниз. Направление растущего дерева указывает на последовательность чтения информационных блоков: сверху вниз.

Дерево занимает почти половину вертикального пространства внутри окаймленных по трем сторонам точек и составляет одну (автономную) часть композиции. Как известно, дерево, направленное вершиной к земле, означает мир предков. Следовательно, изображенная на треугольной пластине растительность – это генеалогическое дерево рода, скорее всего не реальное, а мифологизированное. Например, об основании г. Булгар персидский автор XV в. Мирхонд сообщал, что Гомари, второй сын Яфета, охотясь, дошел до берегов реки Булгар. Здесь у него родились два сына: Булгар и Бертас [21. С. 189]. Чувашские предания о возникновении деревень зачастую опираются на генеалогические мифы своих древних предков, в которых повеству-

ется о родных братьях, основавших соседние селения. На медной пластине три ответвления ствола условно символизируют трех сыновей основателя рода. Прямая ветка посередине, ставшая продолжением ствола дерева, символизирует сына, унаследовавшего хозяйство общего прародителя и проживавшего в жилище предка (*тёп кил*). У него тоже три сына, два из которых обзавелись своими семьями и проживают в собственных жилищах (*кил*). В середине изображены боковые линии треугольника, обращенного вниз (символ жены), которые вместе с линиями двух крайних ветвей (символ мужа) образуют ромб. Он в данном случае – символ единства (единения) мужа и жены. Не следует забывать, что данную треугольную пластину как основу *сурпан сакки* готовили к свадьбе сына-наследника основателя рода. Ее в свое время носила супруга наследника родового дома. Факт наличия на умершей женщине нагрудного украшения говорит о том, что она в браке со своим мужем жила недолго, так как, по чувашской традиции, в случае смерти женщины ее *сурпан сакки* оставляли, как правило, наследникам. Получается, что у данной умершей женщины детей, скорее всего, не было.

Деталь женского нагрудного украшения.
XVII в. Медь, литье.
Мартыновский могильник.
Чувашия. ЧГИГН.

Графическая прорисовка знаков древнего
рунического письма А.А. Трофимова.
Использован фотоснимок из книги [15].

Немалая информация занесена и во вторую часть изображения (она состоит из трех блоков): в верхнем блоке размещены три знака, означающих женское начало (треугольники с острым концом вниз), в среднем – один знак мужского начала (он, как и ромб в первой части, расположен посередине и означает, очевидно, сына наследника родового предка и его двора *тёп кил*. Скорее всего, он был многоженцем, следовательно, состоятельным человеком того времени. Во многих источниках сообщается, что богатые чуваша до крещения имели по несколько жен. Количество знаков в верхнем блоке второй части может обозначать и количество бракосочетаний данного человека. Известно, что уровень смертности женщин в чувашском обществе был значительно выше, чем мужчин. Данный потомок родового предка ко времени женитьбы на хозяйке *сурпан сакки* вполне мог быть вдовцом. В любом случае, наличие трех знаков женского начала указывает на немолодые годы наследника ко времени его очередной женитьбы. Знаки письма с обеих сторон треугольника мужского начала (вторая строка второй части) и в последней строке указывают на то, что они что-то информируют о его прототипе, скорее всего, там сообщается о предках жениха, под защиту которых вступает невеста после получения от свекрови нагрудного украшения.

Итак, треугольная пластина сурпан *саkki* имела, как мы полагаем, функцию мифосемантического определителя мужского начала и рода. Точнее: на пластине изображалось родовое дерево жениха, письменно тоже сообщалось о его предках. (Проблему расшифровки письменного текста мы оставляем в стороне по той причине, что она требует специального углубленного исследования.)

Выше было отмечено, что болгарские застезки-сюльгамы еще в домонгольский период имели с нижней стороны кольца две треугольные лопасти, как две части равнобедренного треугольника. Например, на сюльгаме из Тигашевского городища (X–XII вв.) изображены треугольники, своими острыми углами направленными попеременно то направо (мужская сторона), то налево (женская сторона), внизу каждой лопасти размещены по одному треугольнику с острым углом вверх [15. С. 32]. Все это говорит о том, что мифосемантика предмета как определителя рода по линии мужа сложилась раньше, чем эти две лопасти срослись и превратились в медное основание треугольной формы. Здесь мифологическое сознание диктовало форму предмета. Как уже было сказано, не позднее XIV в. с нижней стороны отлитого из латуни треугольника болгары-чуваши начинают навешивать подвески из монет, бус и раковин. Подобный «родовой определитель», как полагают исследователи, до крещения существовал и у удмуртских женщин. «Раньше у каждой женщины на груди, на левой стороне, – пишет В.Е. Владыкин, – имелся символический знак воршуда – особая металлическая пластинка, жетон, так называемый *дендор*» [4. С. 278]. По сообщению Г.Е. Верещагина, *воршуд* – это оловянная или свинцовая пластинка величиною с четвертак с изображением какого-нибудь предмета. В старину такие пластинки у бедных служили вместо денег (цит. по [4. С. 278–279]). У казанских татар эти традиции частично сохранились, как было сказано выше, на бляхах женских накосников.

В завершение статьи необходимо выдвинуть гипотезу о предполагаемых прототипах рода жениха, информированного в генеалогическом дереве из треугольной пластины, найденной на кладбище семи деревень [15. С. 28]. По преданию, как пишет В.Д. Димитриев, в старину три родных брата – *Анчак*, *Тёрлемес* и *Пърмас* – жили в д. Анчиково (до революции – село Анчиково, ныне Старая Тюрлема Козловского района ЧР). *Пърмас* основал деревню Аттиково (чувашское название *Пърмас*), а *Анчак* – Верхнее Анчиково (*Анчаккасси*). Их потомки выселились в деревни Нижнее Анчиково (*Шуршу*), Тоганашего (*Туканаш*), Решетниково (*Ватнер*), Мартыново (*Йёршер*), а из Старой Тюрлемы выделилась Новая Тюрлема [7. С. 142–143]. Информация Г.Т. Тимофеева несколько иная: он близкой к Старой Тюрлеме (Анчиково) относит прежде всего деревню Уразмедево (*Муркар*) [22. С. 41]. Из всех этих чувашских и русских названий к антропонимам можно отнести следующие: Уразмедь (*Урасмет*), *Анчак* и *Атӓк/Атӓк* [2. Т. 1. С. 265; 2. Т. 2. С. 141, 154]. Первое языческое имя встречается в одном из исторических преданий этой местности. По сообщению М. Арзамасова, после смерти последнего чувашского *турхан* (здесь подразумевается, очевидно, болгарский правитель) чуваши жили под жестоким игом татар (в предании соединены периоды монгольского господства и Казанского ханства), из их среды назначали лишь сборщиков дани. Такой должностью был наделен чуваш Уразмедь, живший в деревне Уразмедево (ныне в Козловском районе ЧР). Во время Уразмедея многие чуваши вынуждены были принять ислам. За злодеяния народ невзлюбил и Уразмедея, и казанского хана [7. С. 74]. Через несколько лет после смерти ненавистного чувашам правителя и сборщика податей Уразмедея казанский хан поставил на его место Анчика. Это был

кроткий правитель. Он собирал подати со всех поровну, к хану ездил редко. Наконец, народ под руководством Анчика выступил против хана, за помощью они обратились к Ивану Грозному [7. С. 84–85].

Из двух известных сборщиков дани для казанского хана Уразмедь был намного старше Анчика, поэтому он являлся, скорее всего, его отцом (может быть, и старшим братом). После смерти первого на должность сборщика дани с немусульманского населения хан назначил *Анчӑк*. Из предания можно понять, что события проходили ближе к временам падения Казани (В.Д. Димитриев полагает, что в лице героя предания можно видеть исторического чувашского сотника Атачика, который, согласно летописи, «с товарищи» прибыл в Москву 7 декабря 1546 г. [7. С. 86]). Третье имя (*Амӑк*) носит поселение (Аттиково), оно относится, скорее всего, к сыну *Анчӑк*, который отделился от отца и основал свою деревню. Имена других сыновей Уразмедя и Анчика в исторических преданиях не отражены. Пока не совсем понятно, почему их имена носят хотя и соседние, но разные деревни: *Анчӑк* основал Старую Тюрлему, а его предполагаемый отец – Уразмедево. В любом случае уверенно можно назвать хозяйку *сурпан ҫакки* из Мартыновского могильника: это жена сына сборщика дани (и одновременно сотника) Анчика, жившего в XVI в. В те годы древние традиции булгаро-чувашских мастеров пользоваться руническим письмом еще существовали, они, по заказу местной элиты (к которой несомненно относился Анчик и его сын) изготавливали произведения искусств из камня (намогильные памятники) и металла (треугольные пластины в качестве основ женского нагрудника, а потом и украшения). Родовое дерево тоже принадлежит сыну Анчика, наследнику прародителя (Уразмедя?). Это его брак символизирован в вершине генеалогического дерева в форме ромба.

Все это необходимо учитывать при расшифровке текста, написанного на данной треугольной пластине. Вполне возможно, что там упомянуто имя основателя рода (Уразмедя) в сокращенной форме. На основе чувашского слова *ӑрӑс* «счастье» имеются такие антропонимы: *ӑрӑс + килт* (< *ӑрӑс килчӗ* «счастье пришло» > Раскильдино, село Аликовского района ЧР), *ӑрӑс + пай* «Бай Ураз» (село Кошлауши Вурнарского района ЧР в XVIII в. имело такое название), сюда же относится *ӑрӑс + мет* «приносящее счастье» (по-русски Уразмедь). Все эти двухсоставные имена одного корня, поэтому они часто сокращались (*ӑрӑс*) и добавлялись словом, определяющим социальный или родовой статус человека, например, *пӑй* «бай», «господин» (сравните: *пӑй + ата* «отец» + *м* «аффикс принадлежности» > *пӑяттам* «свекор мой»).

Итак, завеса тайны треугольной пластины начала XVII в. чуть-чуть приоткрылась. В дальнейшем исследователей ожидают самые трудные, но одновременно счастливые моменты разгадки ее тайны – это окончательная расшифровка написанного мастером сакрального текста.

Список сокращений названий языков и диалектов

- башк. – башкирский
- к. – коми
- мар. – марийский
- мокш. – мокшанский (диалект морд. яз.)
- морд. – мордовский
- рус. – русский
- тат. – татарский
- удм. – удмуртский

фин. – финский
чув. – чувашский
эрз. – эрзянский (диалект морд. яз.)
яз. – языки

Литература и источники

1. *Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Казань: Магариф-Вақыт, 2015. Т. 2. 567 с.
2. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. 1–17.
3. *Белицер В.Н.* Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973. 216 с.
4. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
5. *Воробьев Н.И.* Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). Казань: Дом татарской культуры и Академического центра ТНКТ, 1930. 464 с.
6. *Гаген-Торн Н.И.* Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 228 с.
7. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 446 с.
8. *Марийско-русский словарь.* Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 512 с.
9. *Марийцы.* Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. 336 с.
10. *Марийцы.* Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: [https://biqenc/ru/etnology/text/2800995](https://biqenc.ru/etnology/text/2800995).
11. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1972. 423 с.
12. *Мордва.* Историко-этнографические очерки. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. 336 с.
13. *Мордовия.* Народное искусство: Альбом. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1985. 143 с., ил.
14. *Научный архив ЧГИГН.* Фонд III. Дело 147. 439 с.
15. *Николаев В.В., Иванов-Орков Г.Н., Иванов В.П.* Чувашский костюм от древности до современности. М.; Чебоксары; Оренбург, 2002. 400 с.
16. *Родионов В.Г.* История сложения чувашской заговорной формулы «Прибыл заморский исцелитель» // Традиционная культура народов Поволжья: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань: ИХЛАС, 2018. С. 336–346.
17. *Родионов В.Г.* Семантическая и хронологическая стратификация названий духов-покровителей в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 268–276.
18. *Родионов В.Г.* Хронологическая стратификация названий духов предков и святых в чувашской народной религии // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 311–321.
19. *Родионов В.Г.* Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифологии / ЧГИГН. Чебоксары, 2017. 324 с.
20. *Родионов В.Г.* Этимология и трансформация семантики названия образа змея-покровителя в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 238–244.
21. *Родионов В. Г.* Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 552 с.
22. *Тимофеев Г.Т.* Тăхăръял (Сёве тăршшĕнчи чăвашсем): Этнографи очеркĕсемпе халăх сăмахлăхĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1972. 491 с.
23. *Трофимов А.А.* Древнечувашская руническая письменность: Памятники. Алфавит. Дешифровка / НИИ при СМ ЧАССР. Чебоксары, 1993. 52 с.
24. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с.; Т. 2. 509 с.
25. *Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период.* Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 255 с.
26. *Червоная С.М.* Искусство Татарии. М.: Искусство, 1987. 352 с.
27. *Чувашская энциклопедия.* в 4-х т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 3. 686 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru).

V. RODIONOV

THE MYSTERY AROUND THE TRIANGULAR PLATE
OF THE CHUVASH FEMALE PECTORAL

Key words: mythology, decorations' names, etymology, a Chuvash costume, family tree, runic writing system.

The triangular plate in the Chuvash traditions is not associated with a maiden's pectoral and its name, it is the main detail of a female decoration, as a kind of an ancient breastplate. This decoration was gifted to the daughter-in-law in the groom's house during the wedding. The name of the Chuvash maiden's pectoral *shelkeme/shulkeme* should be linked with its protective function. The name of a headdress made of special coins (brass plaques) was first attached to similar coins on the ornament *surpan sakki*, and then to its triangular plate. The latter had the function of mythosemantic determinant of the masculine principle and gender. The author put forward the hypothesis of prototypes of groom's genus by deciphering the family tree on the triangular plate from the Martynovsky burial ground (XVII century). The progenitor of the deceased woman's husband was a tribute collector for the Kazan khan Urazmed, known from the Chuvash historical legends. His name is probably fixed on the triangular plate with the signs of the Chuvash ancient runic writing system.

References

1. Akhmet'yanov R.G. *Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Tatar language. 2 vols.] Kazan, Magarif-Vakyt Publ., 2015, vol. 2, 567 p.
2. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash language dictionary]. Kazan, Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1928–1950, vol. 1–17.
3. Belitser V.N. *Narodnaya odezhda mordvy* [Folk costume of the Mordovians]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 216 p.
4. Vladykin V.E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological world picture of the Udmurt people]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1994, 384 p.
5. Vorobev N.I. *Material'naya kultura kazanskikh tatar (opyt etnograficheskogo issledovaniya)* [Material culture of Kazan Tatars (experience of ethnographic research)]. Kazan, 1930, 464 p.
6. Gagen-Torn N.I. *Zhenskaya odezhda narodov Povolzh'ya (materialy k etnogenezu)* [Women's clothing of the peoples of the Volga region (materials for ethnogenesis)]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1960, 228 p.
7. Dimitriev V.D. *Chuvashskie istoricheskie predaniya: ocherki istorii chuvashskogo naroda s drevneishikh vremen do serediny XIX veka* [Chuvash historical legends: essays on the history of the Chuvash people from ancient times to the middle of the XIX century]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1993, 446 p.
8. *Mariisko-russkii slovar'* [Mari-Russian dictionary]. Yoshkar-Ola, Mari Publ. House, 1991, 512 p.
9. *Mariitsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Mari. Historical and ethnographic essays]. Yoshkar-Ola, 2005, 336 p.
10. *Mariitsy. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [The Mari. Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://biqenc.ru/etnology/text/2800995>.
11. Mikhailov P.M. *Trudy po etnografii i istorii russkogo, chuvashskogo i mariiskogo narodov* [Works on ethnography and history of Russian, Chuvash and Mari peoples]. Cheboksary, 1972, 423 p.
12. Mordva. *Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Historical and ethnographic essays]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1981, 336 p.
13. Mordoviya. *Narodnoe iskusstvo: Al'bom* [Mordovia. Folk art: Album]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1985, 143 p.
14. *Nauchnyi arkhiv ChGIGN. Fond III. Delo 147* [Scientific Archive of the Institute of Physical Chemistry. Archive III. Case 147].
15. Nikolaev V.V., Ivanov-Orkov G.N., Ivanov V.P. *Chuvashskii kostyum ot drevnosti do sovremenosti* [Chuvash costume from antiquity to modern times]. Moscow, Cheboksary, Orenburg, 2002. 400 p.
16. Rodionov V.G. *Istoriya slozheniya chuvashskoi zagovornoj formuly «Pribyl zamorskii istseletel'»* [History of the addition of the Chuvash conspiracy formula "The Overseas Healer Has Arrived"]. *Traditsionnaya kultura narodov Povolzh'ya: materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Proc. of IV Rus. Sci. Conf. «Traditional Culture of the Peoples of the Volga Region»]. Kazan, 2018, pp. 336–346.
17. Rodionov V.G. *Semanticheskie sdvigi leksem, svyazannykh s etapami slozheniya khudozhestvennogo soznaniya prototyurkov* [Semantic shifts of lexemes associated with the stages of addition of artistic consciousness of the prototurks]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no. 2, pp. 305–310.

18. Rodionov V.G. *Khronologicheskaya stratifikatsiya nazvaniy dukhov predkov i svyatykh v chuvashskoi narodnoi religii* [Chronological stratification of the names of spirits of ancestors and saints in the Chuvash folk religion]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2017, no. 4, pp. 311 – 321.
19. Rodionov V.G. *Chuvashskii etnos. Issledovaniya po etnologii i mifopoeitike* [The Chuvash ethnos. Studies in ethnology and mythology]. Cheboksary, 2017, 324 p.
20. Rodionov V.G. *Etimologiya i transformatsiya semantiki nazvaniya obraza zmeya-pokrovitel'ya v chuvashskoi mifologii* [Etymology and semantic transformation of the name of the serpent-patron's image in the chuvash mythology]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2016, no. 4, pp. 238–244.
21. Rodionov V.G. *Etnos. Kul'tura. Slovo* [Ethnos. Culture. Word]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2006. 552 p.
22. Timofeev G.T. *Takhar'yal (Seve tarshshenchi chavashsem): Etnografi ocherkesempe khalakh samakhlakhe* [Nine villages (Chuvash people on the Sviyaga): Ethnographic essays and folk art]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1972, 491 p.
23. Trofimov A.A. *Drevnechuvashskaya runicheskaya pis'mennost': Pamyatniki. Alfavit. Deshifrovka* [Old Chuvash runic writing: Monuments. Alphabet. Decryption]. Cheboksary, 1993, 52 p.
24. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Chuvash language. 2 vols.]. Cheboksary, 1996, vol. 1, 470 p., vol. 2, 509 p.
25. *Khrestomatiya po kult'ure Chuvashskogo kraja: dorevol'yutsionnyi period* [Reader on the culture of the Chuvash region: pre-revolutionary period]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2001, 255 p.
26. Chervonnaya P.M. *Iskusstvo Tatarii* [Art of Tataria]. M.: Iskusstvo Publ., 1987. 352 p.
27. *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash encyclopedia. 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2009, vol. 3, 686 p.

RODIONOV VITALIY – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru).

Формат цитирования: Родионов В.Г. Загадка вокруг треугольной пластины женского нагрудного украшения чувашей // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 4. – С. 121–133.